УДК 364.142

Лариса ЦЕРКАСЕВИЧ

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ШВЕДСКОГО “ДОМА ДЛЯ НАРОДА”

Аннотация. В течение нескольких десятилетий шведская модель социально-экономического развития характеризовалась высоким качеством жизни всех слоёв населения, основанном на ответственности государства. В последние два десятилетия эта политика была заново оценена политиками и экономистами, которые приняли решение о переходе к рыночным отношениям в социальной сфере. В связи с этим можно говорить о смене парадигмы развития “государства благосостояния”, обусловленной рядом объективных негативных тенденций социально-экономического развития. Новая стратегия государственного развития названа “обществом благосостояния”. Целью коммерциализации услуг социальной сферы стало улучшение качества услуг, увеличение эффективности деятельности социальных институтов и постепенное снижение издержек государства. Однако, как показывают научные исследования, качество услуг не улучшилось, а затраты государства увеличились. В статье рассмотрена эволюция шведской модели государства благосостояния от возникновения идеи “дома для народа” до рыночной трансформации его основных институтов, а также дан анализ основных причин “провалов рынка” в социальной сфере.

Ключевые слова: государство благосостояния, общество благосостояния, народный дом, шведская модель, качество жизни, старение населения, парадокс Баумоля.

Переоценка ценностей

Все нации имеют свои мифы. В Швеции тоже есть свои, однако наиболее противоречивый и дискуссионный в настоящее время – это миф о “доме для народа” [Bergqvist, 1990]. Несмотря на то, что примерно за 100 лет королевство преодолело путь от бедной аграрной страны к процветающему обществу, избавленному от войн и политических потрясений, с развитой системой демократических свобод, высоким уровнем жизни и социальной защиты, основная парадигма развития ставится под сомнение, переоценивается, а иногда и вовсе отвергается. Переоценка ценно-

© *Церкасевиц Лариса Владимировна* – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов, Санкт-Петербургский институт экономики и управления. **Адрес:** 197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 35. **E-mail:** larissa.vladi@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22019163174>

стей шведского общества кажется тем более странной, если обратиться к данным объективных исследований международных организаций. Так, по данным исследования международных организаций под эгидой ООН 155 стран мира по индексу “уровня счастья населения в 2017 г.” Швеция располагалась на 9-м месте [Институт Земли, 2017].

По рейтингу “качества жизни”, проводимом среди 188 стран мира британским исследовательским центром The Economist Intelligence Unit в 2016 г. Швеция занимала 5-е место [Рейтинг качества жизни в странах мира, 2016].

И в то же время среди политиков, историков, социологов, а также в средствах массовой информации всё более укрепляется мнение о противоречивости прежнего пути развития и необходимости смены курса общественного развития. Так, в статье самой известной шведской газеты Dagens Nyheter писательница, политик левых взглядов Вера Завала (America Vera-Zavala) в статье “Сказочная страна, которой больше нет” утверждала, что “всего за какое-то десятилетие шведские рассказы о благополучии, полной занятости, политическом спокойствии и мире были отвергнуты, а расизм настолько близок к правительству, что остальная Европа не понимает, что произошло” [Vera-Zavala, 2015].

Историк Урбан Лундберг (Urban Lundberg) из Института изучения будущего университета Стокгольма, исследователь эволюции европейской социальной политики, утверждает, что сама парадигма развития “дома для народа” была неверно понята общественностью. Согласно его мнению, цель развития общества заключалась в том, чтобы “привить массам чувство необходимости служения обществу, нести бремя обязательств и жертв”. Между тем развитие демократии непредсказуемо, и она находит свои собственные пути. Премьер-министр Швеции Улоф Пальме в 1980-е годы уже не использовал термин “дом для народа”, заменив его термином “государство благосостояния”, а затем “общество благосостояния”. По мнению Лундберга, “дом для народа” в реальности отличался, прежде всего, технологиями, заключающимися в холодных продуманных расчётах социальной инженерии. В настоящее время шведы отказались от этого лозунга, который устарел и совсем не адаптирован к современным проблемам. В прошлом остались неравенство и бедность, теперь есть другие угрозы, прежде всего масштабная иммиграция, глобализация, старение, деградация окружающей среды [Lundberg, 2009].

Однако есть и позитивная оценка практической реализации шведского “дома для народа”. Например, заслуживает внимания мнение политика Камиллы Уднофф (Camilla Odhnoff), которая, работая с 1967 по 1974 гг. в составе социал-демократического правительства Tage Эрландера (Tage Erlander), отвечала за семейную, молодёжную и миграционную политику. Она отмечала, что реальным результатом политической жизни того времени была очень тщательная и прагматичная работа, которая показала свои прочные и надёжные плоды. Так, введение государственной монополии на продажу алкоголя решило проблемы пьянства, новые правила пенсионного страхования ликвидировали бедность среди пожилого населения, устаревшие и нерациональные больничные кассы были заменены общим страхованием здоровья, жилищная реформа способствовала успеху в деле борьбы с туберкулёзом. Таким образом, были решены многие социальные проблемы. Поэтому, рассматривая “дом для народа”, необходимо уходить от идеологизированной конструкции, а лучше обратиться к оценке практических результатов [Odhnoff, 2008].

Современная Европа, 2019, №2

Журналист и действующий депутат парламента от партии Шведских демократов Роберт Стенквист (Stenkvist) также положительно оценивает эволюцию “дома для народа”, не выделяя детально идеологию его функционирования. Он указывает, что реализация этого лозунга далека от совершенства, но шведы помнят безопасное и хорошо упорядоченное общество, которое “заботилось о его слабейших членах, преодолев при этом бедность, тяжёлый труд, грязь и болезни”. Стенквист подчёркивает, что тогда “для общества была характерна сплочённость, и, несмотря на классовые противоречия, оно двигалось в одном направлении. Были понимание и гордость за то, что мы совместно создали. Было чувство гордости за нашу историю и общее место на земле. Было чувство единства, которое сплачивало нас всех вместе, особенно когда были угрозы”. Однако журналист отмечает, что нужно быть более пожилым человеком, чтобы понять эти чувства [Stenkvist, 2014].

В целом политики как левой, так и правой ориентации положительно оценивают развитие шведского общества во времена “дома для народа”. Чувствуется определённая ностальгия по тем временам. Однако все единодушны в том, что базовые положения его институтов остались в прошлом, а факторы современного развития экономики и общества требуют новых решений.

Архитектура шведского дома

Предпосылки создания общества благополучия были заложены уникальным историческим развитием, которое наблюдается последние два столетия. В этот период Швеция ни разу не была оккупирована чужеземными войсками, и с начала XIX века вообще не воевала. Разрушения Второй мировой войны не затронули её территории подобно тому, как это происходило в других европейских странах. Ориентированная на восстановление разрушенной Европы, экономика Швеции получила огромные преимущества для роста, который создал предпосылки для построения социальной политики, в основу которой был положен “социальный патронаж”. Это понятие означает, что “патрон в лице государства / государственных институтов должен обеспечить своим клиентам безопасность, надёжность и защиту в угрожающих ситуациях, а также организацию и руководство защитой. Шведам нет необходимости зависеть от родни или благотворительности, а тем более от рынка. От колыбели до могилы о них будет заботиться государство”. Государственные общественные институты должны предоставлять такое высокое качество услуг, что альтернативы не будут привлекательны для населения. Механизм должен функционировать слаженно, как “доме для народа”, с его порядком и ценностями [Zetterberg H L., Ljungberg C J, 1997: 25].

Выражение “дом для народа” было заимствовано шведами из немецкой практики учреждения читален, имеющих такое же название – “Volksheim”, в которых бедняки имели доступ к литературе и журналам по низким ценам [Fahlgren, 2008]. Основы шведского дома для народа были заложены в конце XIX в., когда были образованы Социал-демократическая рабочая партия (1889 г.) и профсоюзы. В то время их целью было улучшение условий жизни работающих и усиление их влияния в обществе.

Разработка идеологических основ и начало строительства шведского “дома для народа” было осуществлено Пером Альбином Ханссоном, который в 1928 г. был

избран председателем Социал-демократической рабочей партии, а годом раньше стал руководителем парламентской группы своей партии. В этом году им была произнесена историческая речь, которая на многие десятилетия стала парадигмой развития шведского общества. В частности, он сказал, что “хороший дом не признаёт каких-либо привилегированных или униженных, в нём нет любимцев и пасынков. Там никто не смотрит на другого сверху вниз, никто не пытается получить преимущество за счёт другого, сильный не грабит слабых. В хорошем обществе властвуют равенство, сострадание, сотрудничество, взаимопомощь” [Wigh, 2016]. Эти мысли легли в основу строительства “дома для народа”.

На начальном этапе главной задачей государства была борьба с безработицей. Союз Социал-демократической рабочей партии с Аграрной партией в парламенте способствовал процессу укрепления демократических сил в стране. Проблемы жилья были также в центре социальной политики, так как квартирные условия рабочих, семей с детьми и стариков находились вне всякой критики. Проводились и другие реформы в области социальной политики. Введение налога на богатство позволило инвестировать средства на создание новых рабочих мест. Несмотря на то, что реформы проводились в период мирового экономического кризиса, улучшилось положение тех социальных групп, которые были в худшем состоянии. Национальная пенсия была увеличена, введено страхование на случай безработицы, многодетные семьи получили возможность займа средств для постройки дома. Социально и экономически 1930-е гг. стали успешными в проведении реформ и значительных социальных изменений. Помимо всего прочего, была организована профилактическая служба охраны здоровья женщин и детей, помощь одиноким матерям. В 1938 г. было принято решение также о государственной стоматологической помощи и обязательном двухнедельном отпуске. В 1930-е годы был повышен образовательный и культурный уровни, что позволило назвать этот период “литературным золотым веком” [Vår historia, 2016].

Перестройка “дома для народа”

Понятие “государство благосостояния” было введено в научный оборот сразу после Второй мировой войны. Оно использовалось и как политический лозунг, и как разновидность теории социального управления. В это время происходили глубокие преобразования в экономике и обществе, что привело к изменению роли государства. Период с конца 1940-х до 1970-х гг. впоследствии был назван “золотым временем” “государства благосостояния”.

Политика “государства благосостояния” в Швеции формировалась с целью выравнивания жизненного стандарта всего населения и социальной защищённости граждан, которая достигалась с помощью системы трансфертов, распределяемых государственными институтами, право на которые основано на понятии гражданства. Таким образом, все граждане стали интегрированы в государственную структуру перераспределения благ. С этого времени политика благосостояния стала формироваться как институциональная система, направленная на обеспечение социальной защищённости и благополучие всех граждан, цель которой состояла в достижении стабильного экономического роста при низких темпах инфляции и “полной занятости” на базе смешанной экономики.

Современная Европа, 2019, №2

Стабильное функционирование политики благосостояния основывалось на “культуре солидарности”, которая позволяла легитимировать нормативные основы перераспределительной деятельности государства. Солидарность в шведской социальной политике означала, что все граждане желают совместными усилиями, согласно своим возможностям, вкладывать средства в общество (например, платить налоги).

Идеологическое содержание этой политики менялось в соответствии с требованиями развития общества. Так, стремление “сгладить классовые различия”, которое можно было видеть в партийных документах социал-демократической партии в 1960 и в 1975 гг., было заменено на “равенство между мужчинами и женщинами” в 1990 году, а затем на “общество без классовых, гендерных этнических различий, а также без предвзятостей и дискриминации” в 2001 г. [Den svenska modellen, 2001].

Постепенно наполненная социалистическими идеями программа развития стала изменяться и признавать рыночные основы функционирования экономики. Партийная программа 2001 г. утверждает, “рынок необходим для эффективного производства, которое создаёт и воссоздает ресурсы для благосостояния”, однако “капитал и рынок не должны доминировать и коммерциализировать социальные, культурные и человеческие отношения”. В программе социал-демократов 2018 г. записано, что “производство социальных услуг должно поддерживать их хорошее качество независимо от того, какой сектор общества (государственный или частный) их выполняет. В то же время должен функционировать принцип ‘неприбыльности’” [En politik för engagemang, 2018: 9].

Процессы интеграции с Европейским Союзом, а также глобализация вносят свои коррективы в сферу принятия управленческих решений и вызывают активные дискуссии среди политиков.

Большинство из них оценивают эти процессы “взаимосвязанного мира” позитивно, отмечая, что увеличивается мобильность капитала, товаров и рабочей силы, повышается стабильность, снижается бедность населения. Однако есть и негативные последствия, к которым можно отнести неравномерность развития стран — членов Европейского Союза, а также угрозу потери культурной самобытности [Granskning, 2017:6]. Отмечается также, что институты Европейского Союза всё ещё находятся на ранней стадии трансформации в связи с тем, что процессы цифровизации и роботизации и электронная коммерция расширяют возможности трансграничного доступа к информации. Это создаёт угрозу для злоупотребления доминирующим положением на рынке, в связи с чем необходимо внедрять инновации в области стратегических управленческих технологий [Granskning, 2017: 11].

Существуют и противники позиции глубокой интеграции с Европейским Союзом среди политиков. К ним относятся партия Шведских демократов (Sverigedemokraterna) и Левая партия (Vänsterpartiet). Так, оценивая итоги референдума по выходу Великобритании из ЕС, Шведские демократы призывают к возобновлению дискуссии о будущем развития ЕС. Они полагают, что первоначально Евросоюз создавался как гарант разнообразия и культуры Европы, а в настоящем времени превратился в подавляющую бюрократическую структуру. Они утверждают, что Союз не является устойчивой платформой для сотрудничества, а “представляет очевидную угрозу самому большому его успеху, а именно единому рынку, который теперь подвержен риску фрагментации” [Granskning, 2017: 14].

Левая партия (Vänsterpartiet) считает, что глобализация представляет собой фундаментальную угрозу демократии. Они утверждают, что торговая политика должна измениться в более справедливом, солидарном и экологически сознательном направлении. Несправедливые условия торговли и неравных возможностей для участия в мировой экономике являются одной из главных причин того, что страны мира развиваются неравномерно, и что разрыв между странами продолжает углубляться [Granskning, 2017: 19].

Шведские демократы (Sverigedemokraterna) также являются сторонниками ограничения миграции, которая наблюдается в последние годы, и прав иммигрантов в Швеции. Они настаивают, например, на разрешении въезда в страну только после прохождения теста на знание шведского языка, ограничении иммигрантам предоставления бесплатной медицинской помощи (и предоставлении её только в случаях острой необходимости), разрешении работать в Швеции иммигрантам, имеющим высокий уровень образования [Migration på rätt sätt, 2018].

В сентябре 2018 г. в Швеции прошли выборы нового состава парламента (riksdag). Однако из-за равенства сил двух политических блоков и нежелания сотрудничать с Шведскими демократами, переговоры по формированию правительства затянулись на четыре месяца. Лишь в январе 2019 г. было сформировано коалиционное правительство социал-демократов и Партии окружающей среды с договорённостью о поддержке правительства центристскими партиями (партией Центра и Либеральной партией).

Факторы смены парадигмы шведского “дома для народа”

В течение последних двух десятилетий произошёл фундаментальный сдвиг парадигмы социально-экономического развития Швеции [Nya välfärdsmodeller, 2013]. Так как универсальная система благосостояния является одной из основ шведского общества, она предполагает большие финансовые обязательства со стороны государства. С течением времени эта система стала подвергаться влиянию многих негативных внешних факторов, которые определяют её финансирование, что требует дополнительных инвестиций в социальную сферу [Utdrag ur kongressrapporten, 2013]. К таким негативным факторам необходимо отнести изменения в демографическом составе населения и значительное увеличение относительных издержек в социальной сфере.

Изменения в демографическом составе населения. В течение последних десятилетий мы можем наблюдать увеличение продолжительности жизни в Швеции, что доказывает хорошие условия жизнедеятельности и положительно характеризует развитие страны.

Эта тенденция получила у исследователей название “бум старости” [Välfärdstjänsterna i framtiden, 2012]. Средняя продолжительность жизни шведского населения за полтора столетия увеличилась почти вдвое и составляла в 2016 г. 84 года для женщин и 81 год для мужчин [Medellivslängd efter kön 1960–2016 och prognos 2017–2060, 2017]. Динамика продолжительности жизни шведов представлена на рисунке 1.

Рисунок 1.

Динамика продолжительности жизни шведов

Источник: Sveriges officiella statistik. URL: www.scb.se

Однако старение населения приносит с собой целый ряд экономических последствий для общества. Это связано с финансированием пенсионной системы, так как текущие пенсии выплачиваются из отчислений работающих. Стареее население означает большее бремя их поддержки для работающего населения. В настоящее время доля работающих сокращается с одновременным увеличением доли пенсионеров, следовательно, уменьшается возможность финансирования не только пенсий в предстоящие годы, но и услуг здравоохранения и ухода за престарелыми.

Эти проблемы уже существуют на протяжении последнего десятилетия, но наиболее драматичное их проявление ожидается в период 2020–2035 гг. [Välfärdstjänsterna i framtiden, 2012: 7]. Согласно расчётам учёных, численность населения 80–85 лет к 2035 г. возрастёт на 65%, а в возрасте 85 лет и старше на 75%. Изменения шведской возрастной структуры населения означает, что доля работающих лиц будет снижаться по мере старения населения. В связи с этим становится очевидным, что будущие пенсии не могут быть полностью профинансированы, так как текущие пенсии выплачиваются из отчислений работающих.

Увеличение относительных издержек в социальной сфере. Парадокс Баумоля. Динамика стоимости социальных услуг является своеобразным феноменом, который впервые был описан американскими учёными У. Баумолем и У. Боуэном в середине 1960-х гг. и который с тех пор использовался в научном обороте как “дилемма” или “парадокс Баумоля”. Сущность парадокса заключается в следующем. В соответствии с законами классической экономической теории, рост заработной платы обусловлен увеличением производительности труда. Однако производ-

ственные сектора экономики (например, производство социальных и культурных услуг), которые не могут увеличивать свою производительность, также нуждаются в увеличении заработной платы своим работникам вслед за тенденциями в производственной сфере. Результатом этого процесса является то, что относительная стоимость этих услуг с низкой производительностью увеличивается.

Кроме проблем с увеличением заработной платы, на данный момент стало совершенно очевидно, что технический прогресс принёс с собой новейшие дорогостоящие технологии в сферы здравоохранения, образования, культуры, что также увеличило стоимость услуг, финансируемых государством. Таким образом, инновации в медицине и социальном сервисе, в отличие от товарного производства, не приводят к снижению себестоимости продукции, хотя и увеличивают её качество. Так, новейшие разработки в области здравоохранения в целом приводят к увеличению затрат, а сами инновационные технологии, способные эффективно диагностировать и лечить заболевания, являются драйверами увеличения стоимости услуг [Svegfors]. В связи с этим ожидается, что стоимость ухода за пожилыми людьми в 2035 г. увеличится на 70%. В целом, государственные расходы на здравоохранение и уход за больными и престарелыми людьми к 2035 г. увеличатся на 60%, а дефицит ресурсов на эти цели составит приблизительно 40% [Välfärdstjänsterna i framtiden, 2012: 9]. На рисунке 2 представлена динамика роста дефицита бюджетных средств, необходимых для дальнейшего финансирования услуг социальной сферы.

Рисунок 2.

Развитие дефицита бюджетных средств для финансирования социальной сферы

Источник: Välfärdstjänsterna i framtiden – behov och förväntningar. Svensk Försäkrings rapportserie 2012: 1. Vår framtida välfärd Del 1. Stockholm: Svensk Försäkring.

Для решения этих проблем уже в течение 1980-х гг. в Швеции стали предприниматься попытки институциональных и организационных изменений в социальном секторе. Они были вызваны также усилением воздействия либеральных идей развития государства, которые привели к возникновению рыночной модели организации социальных услуг с обобщенным названием New Public Management [Konkurrensens konsekvenser, 2011: 11]. Введение рыночных правил в социальном секторе было мотивировано тем, что они обеспечат повышение качества услуг, эффективность работы при одновременном снижении затрат, а также расширят сеть поставщиков и альтернативные виды деятельности.

Трансформация модели развития продолжается уже долгое время, однако в качестве отправной точки считается 1990-й г., после которого произошли наиболее серьезные изменения в идеологии социальной политики. Доля государственного сектора в качестве производителя услуг благосостояния уменьшилась и была дополнена рыночными субъектами. Правовой основой этой трансформации послужили два закона. Во-первых, Закон о государственных закупках, который вступил в силу 1 января 2008 г. [Lag (2007: 1091) om offentlig upphandling]. Закон регулирует покупку социальных услуг государственными структурами у частных операторов, которые, соответственно, финансируются за счёт государственных средств. Целью закона является формирование равных рыночных условий для всех рыночных субъектов – производителей услуг.

Во-вторых, Закон о свободе выбора, вступивший в силу 1 января 2009 г. [Lag (2008: 962) om valfrihetssystem]. Этот Закон регулирует ситуации, в которых государственные структуры или другие субъекты имеют конкурентные отношения, и позволяет потребителям, то есть клиентам или пациентам, по своему желанию выбрать поставщика услуг.

Институциональные изменения, связанные с либерализацией услуг социальной сферы, были названы переходом от политики “государства благосостояния” к политике “общества благосостояния”. В обеих моделях цели политики благосостояния в основном те же: гражданам должны быть гарантированы социальные услуги в случае необходимости и независимо от их платёжеспособности. Общим для этих моделей является государственное финансирование благосостояния за счёт налогов, но возможности альтернативного финансирования другой модели в долгосрочной перспективе до сих пор обсуждаются.

Разница между двумя моделями в том, что теперь услуги производятся различными субъектами, а не только государством, как прежде. Новая модель – “общество благосостояния” исходит из принципа свободы выбора индивидом поставщика услуг и рыночной конкуренции. Речь прежде всего идёт о шести основных секторах услуг благосостояния: школьное образование, здравоохранение, уход за престарелыми и инвалидами, лечение наркомании и политика на рынке труда. Изменения затронули всех граждан, как потребителей услуг, так и государственные институты как поставщиков услуг. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько глубоко рыночные силы вошли в эти сферы, какие результаты имеются сейчас и какие тенденции и возможные проблемы можно ожидать в будущем?

Научные исследования шведских учёных показали, что в настоящее время почти 20% всех занятых в производстве услуг благосостояния находятся в рыночном секторе. Из них почти половина работает в области ухода за инвалидами и нарко-

манами. В школьном образовании и в сфере ухода за стариками заняты примерно 10%, в области дошкольного образования примерно 20%. Наиболее интенсивно рыночные отношения развивались в течение 2000 гг. в области школьного образования и в сфере ухода за инвалидами [Konkurrensens konsekvenser, 2011: 258].

В начале преобразований приватизация происходила в основном в рамках “модели предпринимательства”, в которой государственные структуры покупали услуги у частных поставщиков на контрактной основе. Постепенно стал происходить переход к “модели клиента”, когда потребитель сам выбирает поставщика из числа одобренных государством. В этом случае граждане выбирают поставщиков услуг (государственного или частного), которые в рамках стандарта финансируются государством. То есть вместе с клиентом следует финансирование требуемой услуги [Konkurrensens konsekvenser, 2011: 261]. Учёные отмечают, что анализ практики рыночных преобразований в социальной сфере в целом позволяет сделать вывод об ограниченности знаний об их качестве и эффективности.

Последствия приватизации для сфер школьного образования и политики на рынке труда являются наиболее изученными. Анализ школьного реформирования в области прав выбора учебного заведения показывает, что оно не оправдало первоначальных надежд об эффективности. Некоторые исследования показали небольшие положительные эффекты, касающиеся школьной успеваемости, но в целом усреднённые результаты остались прежними. Негативным результатом стала сегрегация учеников. Различие между школами выразилось в том, что ученики с высоким социально-экономическим положением поступают в лучшие школы, в основном частные. Здесь уместно указать мнение депутата парламента Ардалан Шекараби (Ardalan Shekarabi) от партии социал-демократов о том, что “Мы (шведы) были наивны, вводя рыночные отношения в школьное образование. Шведская школа – это не рынок. В этой области целью обучения должно стать приобретение знаний, а основанием – профессионализм учителя” [Problem inom välfärden, 2018].

В целом последствия приватизации и возникновение конкуренции в социальной сфере можно считать мало исследованными. Существующие данные не показывают ни увеличения эффективности в сфере услуг, ни сокращения государственных расходов в этой области. Однако прибыли частных поставщиков услуг увеличились без улучшения их качества.

Таким образом, надежды на большую эффективность и качество услуг, а также снижение нагрузки на бюджет не оправдались. Объяснение этого факта даёт экономическая теория. Во-первых, рынки социальных услуг не являются “реальными” в полном смысле этого слова, но их можно охарактеризовать как “квазирынки”. Их особенность заключается в том, что в них платёжеспособность потребителей ограничена стандартами и определяется величиной государственного бюджета. Все игроки в этом квазирынке также ограничены в получении прибыли, что ослабляет их реакцию на экономические стимулы. Во-вторых, социальные услуги представляют собой особый вид услуг, которые сложны и связаны со значительными внешними экстерналиями, или “провалами рынка”. Так, например, “Закон о свободе выбора” предполагает компенсацию от государства за клиента фирме. В школе, в детском саду и в органах здравоохранения запрещается взимать дополнительную плату. Это означает, что рыночные игроки не могут конкурировать, предлагая высокое качество услуг по более высоким ценам, следовательно, единственный способ получе-

ния прибыли – это снижение затрат. Таким образом, рыночные игроки не заинтересованы в улучшении качества предоставляемых услуг.

Итак, анализ рыночной ориентации шведской модели показал, что надежды на более эффективный сектор услуг благосостояния с различными конкурентными субъектами не оправдались. Результатом реформ часто становилось увеличение государственных расходов из-за различных провалов рынка. Нет никаких научных доказательств того, что воздействие конкуренции и приватизации государственного сектора привели к увеличению качества и улучшению эффективности, на что надеялись реформаторы. Тем не менее правительство решило продолжить реформы “на бешеной скорости” [Nya välfärdsmodeller, 2013].

Однако опросы общественного мнения показывают, что большинство граждан хотят видеть услуги благосостояния вне коммерческого интереса; они также выступают против приватизации сектора благосостояния [Konkurrensens konsekvenser, 2013]. В то же время общество позитивно оценивает расширение рыночных поставщиков услуг в дополнение к государственным, отмечая, что их деятельность не должна подчиняться коммерческому интересу. Для дальнейшего проведения реформ государство ставит задачу расширения прав и возможностей людей в области услуг благосостояния за счёт децентрализации и участия рыночных агентов. В связи с этим, ключевым игроком в развитии благосостояния должен стать неприбыльный сектор экономики.

Список литературы

Веттерберг Г. (1999) *Новое общество. О возможностях общественного сектора*, Ad Marginem, Москва, Россия.

Институт Земли: Рейтинг стран мира по уровню счастья населения в 2017 году. (2017) Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/2017/03/20/7316> (дата обращения: 10.03.2017).

Рейтинг качества жизни в странах мира. Гуманитарная энциклопедия (2016) Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). URL: <http://gtmarket.ru/ratings/quality-of-life-index/info> (дата обращения: 10.03.2017).

References

Bergqvist C. (1990) Myten om den universella svenska välfärdsstaten, *Stadsvetenskaplig Tidskrift*, 3: 223–233.

“Den svenska modellen”, available at: <http://www.socialdemokraterna.se/Var-politik/Var-politik-Atill-O/Den-svenska-modellen> (accessed: 15.11.2018).

Elmer Å., Blomberg S. m fl. (1988) *Svensk socialpolitik*, Lund, Sweden.

En politik för engagemang – långsiktighet och oberoende för civilsamhället. Kulturutskottets betänkande 2018/19:KrU3. Sveriges riksdag.

Fahlgren M. (2008) *Det nya folkhemmet*, Göteborgs universitet, Göteborg, Sweden.

Granskning av kommissionens diskussionsunderlag om globaliseringen. Näringsutskottets utlåtande 2017/18:NU8. Stockholm den 19 oktober 2017. Tryck: Elanders Sverige AB, Vällingby 2017.

Hartman L. (ed.) (2011) *Konkurrensens konsekvenser. Vad händer med svensk välfärd? Andra upplagan*. Författarna och SNS Förlag.

Holgersson L. (1997) *Socialpolitik och socialt arbete – historia och ideer*. – Stockholm: Norstedts Tryckeri AB.

Ighe A. (2016) Folkhemmet är en relik att förnya, *Aftonbladet*, lör 23 jul 2016.

Lag (2007: 1091) om offentlig upphandling.

Ronnby A. (ed.) (1999) *Etik och ide' historia i socialt arbete*, Tryckery City, Umeå, Sweden.

- Lag (2008: 962) om valfrihetssystem.
- Lundberg U. Folkhemmet som aldrig fanns, *Framtider* 2/2009.
- “Medellivslängd efter kön 1960–2016 och prognos 2017–2060”, available at: www.scb.se. (accessed: 15.06.2018).
- Migration på rätt sätt. URL:<https://sd.se/vad-vi-vill/migrationspolitik/> (accessed: 15.11.2018).
- Nya välfärdsmodeller. Motion till riksdagen 2013/14:Fi307 av Annika Lillemets m.fl.
- Odhnoff C. Folkhemmet byggde dagens moderater, *Dagens Nyheter*, 2008-07-06.
- “Principer för en övergångsregerings budgetproposition”, available at: <https://www.regeringen.se/> (accessed: 15.11.2018).
- Problem inom välfärden. Interpellation 2017/18:418. 2018-03-07.
- Stenkvist. Har det någonsin funnit ett Folkhem och vill vi ha det tillbaka?, *Dissidenten Stenkvist*, 2014-12-13.
- “Svegfors M. Sjukvård i den mogna välfärdsstaten”, available at: https://www.socialdemokraterna.se/upload/Central/dokument/pdf/Langtidsutredningen/Mats_Svegfors.pdf. (accessed: 11.03.2017).
- Sveriges officiella statistik. URL: www.scb.se. (accessed: 12.03.2017).
- Utdrag ur kongressrapporten ”Bra välfärd för en bra livsfärd” TCOs Kongress Maj 2011//Produktion: TCO Tryck: CM Gruppen, Stockholm, 2012.05.14.
- Vera-Zavala A. Sagolandet som inte längre finns, *Dagens Nyheter*, 2015-07-22.
- Välfärdstjänsterna i framtiden – behov och förväntningar. Svensk Försäkrings rapportserie 2012: 1. Vår framtida välfärd Del 1. Stockholm: Svensk Försäkring.
- “Vår historia”, available at: <http://www.socialdemokraterna.se/Vart-parti/Var-historia> (accessed: 12.03.2017).
- Wigh S. (2017) “Det svenska folkhemmet”, available at: <https://xn--digilr-fua.se/> (accessed: 12.03.2017).
- Zetterberg H.L., Ljungberg C.J. (1997) *Vårt land – den svenska socialstaten. Slutrapport från ett folk-ningsprogram*, City University Press, Stockholm, Sweden.

Myths and Reality of the Swedish “People’s Home”

Author: Tcerkasevich L., Professor of Economics, Saint Petersburg Institute of Economics and Management. **Address:** 35, ul. Bolchaja Puchkarskaja, Sankt-Petersburg, 197101. **E-mail:** larissa.vladi@mail.ru

Abstract. For several decades the Swedish model of socio-economic development was characterized by a high quality of life for all segments of the population based on state responsibility. In the last two decades this policy has been re-evaluated by politicians and economists who have decided to move to market relations in the social sphere. In this regard, we can talk about a paradigm shift in the development of the welfare state due to a number of objective negative trends in socio-economic development. The new strategy of state development was called the “welfare society”. The goal of commercialization of social services was to improve the quality of services, increase the efficiency of social institutions and gradually reduce the costs of the state. However, as the research shows, the quality of services has not improved, and the expenses of the state have increased. The article examines the evolution of the development of the Swedish welfare state model from the emergence of the idea of a “people’s home” to the market transformation of its main institutions, and also analyzes the main causes of “market failures” in the social sphere.

Key words: welfare state, welfare society, people’s home, Swedish model, quality of life, aging population, Baumol paradox.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22019163174>